

ПРОФЕССОР MALANDRINO ОТ GILLETTE

На следующий день у меня была назначена встреча насчёт съёма квартиры. Лиссабон был прекрасен, но при тамошних ценах на аренду едва ли по карману, и мне пришлось осесть на последнем рубеже столицы, на её исторической окраине: АМАДОРА БОРДЕА.

Район был характерный: здесь обрела родину португальская община иностранцев, но жили тут не только граждане Португалии — попадались и лазутчики вроде меня.

Встречать меня пришли отец с сыном, но, когда я вошёл в дом, мне показали двухъярусную кровать в комнате на девять квадратных метров, которую предстояло делить ещё с тремя соседями, в квартире из трёх комнат, где было девять человек, одна ванная, маленькая кухня, три холодильника и тараканы на правах постоянных жильцов, — всё это примерно на шестидесяти квадратных метрах, за 230 евро в месяц.

На еду и на жизнь мне оставалось ровно 70 евро в месяц, но я понял и другое: я прохожу курс о том, как бедняку учиться распоряжаться богатством, — а этому никто не учит.

Ребята один за другим подходили знакомиться, называли своё имя и страну, откуда приехали, и присматривались ко мне: как я себя поведу и не расист ли я.

Каждому я улыбнулся и с каждым поздоровался на его языке: АНГОЛА, МОГАДИШО, САН-ТОМЕ, БРАЗИЛИЯ, ПОРТУГАЛИЯ, КИТАЙ, РОССИЯ и САУДОВСКАЯ АРАВИЯ.

В тот вечер они позвали меня на свой ужин — устроили его, чтобы принять меня как полагается. Я был в компании самым старшим, и после двадцати минут робких разговоров со всеми родилась моя новая португальская личность — в ту самую минуту, когда я услышал, как меня назвали:

Профессор Malandrino

Все они были молодые ребята, оставившие матерей, жён или подруг, — далеко от дома и от тех, кого любили, — и я решил рассказать им подлинную историю из собственного опыта: взамен я получил бы от каждого реакцию, по которой смог бы оценить его характер и натуру. Никто из них моего метода не знал.

Я рассказал им, что в 2021 году позволил себе отпуск в Бразилии, в городе Натал, — это место известно своими дюнами и местными ритуалами: когда день сменялся ночью, девушки с вершины дюны спускались спиной вперёд, подбираясь каждая к мужчине, который невозмутимо ждал внизу, — чтобы познакомиться, завязать новые отношения, а может, и устроить себе будущее.

Я пробыл в этом городе сорок дней — это и вправду был мой бразильский карантин, — но в игре не участвовал ни разу. Я оставался зрителем и смотрел.

Сегодня я как никогда ясно понимаю, насколько мне на самом деле пригодилось знакомство с Бразилией — тем более теперь, когда в Gillette неожиданно появилась женщина-СЕО, — и, если она когда-нибудь спросит меня о своей родине, я смогу ей сказать:

РИТУАЛ ДЮН

Я ЗНАЮ,

НО НИ РАЗУ В НЁМ НЕ УЧАСТВОВАЛ,

ПОТОМУ ЧТО НИКОМУ НЕ ПРЕДЛАГАЮ БУДУЩЕГО,

ТОЛЬКО НАСТОЯЩЕЕ.

Сильнее всего в том городе меня поразила история с дочерью ректора, с которой я случайно познакомился в понедельник вечером на вечеринке для одиноких.

Я пришёл со ста заранее заготовленными бумажными карточками, на которых стояли моё имя и бразильский номер телефона, и обменивался ими с женщинами в заведении — с теми, кто мне нравился и кто называл себя незамужней, разведённой или вдовой. На следующий день четырёх из них я встретил в супермаркете: они делали покупки с мужьями и детьми, и мы не обменялись ни словом — только молчаливыми взглядами.

Камилла, дочь ректора, была женщина красивая и сокрушительная. Это она в два часа дня привела меня к себе домой, а выпустила в десять вечера, и там-то я понял, что мой коллега наверху решил меня наказать — дать мне понять, что одна женщина может одолеть тысячу мужчин, а тысяча мужчин не одолеет одну женщину.

Не вдаваясь в подробности: сразу после этого я повёл её ужинать в итальянский ресторан и заказал две бутылки белого вина и 14 лобстеров — для неё одной. Официант-бразилец спросил, не желаю ли я брускетты, но от усталости — или из-за моего предательского слуха — мне послышалось «bussetta», а я и без того был выжат и готов спастись бегством.

Все ребята в комнате хохотали и глядели как загипнотизированные — они-то всё ещё сидели на двенадцатистраничной версии с Amazon о том, как продаётся любовь. Как было продолжать, не рискуя, что они взорвутся?

Я свернул разговор и пошёл спать.

Наутро все в доме повторяли «бразильская bussetta» и «bussettero», что в колумбийском испанском значит «водитель автобуса», — но игра слов всё равно заставляла всех улыбаться.

Я уехал 22 ноября 2025 года, и всем было жаль со мной расставаться — даже тараканам, которые спали со мной в одной постели, на минуту стало грустно, потому что только в это мгновение, когда ты был с кем-то счастлив, а он уходит, ты понимаешь, чего у тебя больше никогда не будет.

Фердинандо